

Иван Плетнев

**Вне
СИСТЕМЫ**

Иван Плетнев

Вне системы

<https://litres.ru/74125919>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире двадцатичетырехлетнего Андрея всё подчинено строгой логике успеха. Сын уважаемых ученых, харизматичный лидер и перспективный практикующий психолог, он свято верит в свою способность понимать и спасать людей. Но однажды на его открытую лекцию приходит девятнадцатилетняя второкурсница в черном свитере. её глазах нет девичьего обожания — только ледяной, сканирующий взгляд исследователя. Она не признает авторитетов, презирает чужие эмоции и отказывается быть «спасенной». Уязвленное эго и профессиональный азарт Андрея требуют реванша. Он заманивает сложную студентку на индивидуальный сеанс в свой кабинет, уверенный, что легко вскрыет её детские травмы. Он еще не знает, что её хладнокровие ковалось на тридцати квадратных метрах тесной советской однушки под свист провода от старой зарядки. И что этот «сеанс» — лишь начало её собственного эксперимента. Эксперимента, в котором Андрею отведена роль подопытного объекта под микроскопом, а у его идеальной жизни нет никаких шансов уцелеть.

Содержание

Глава I. Лаборатория стерильного покоя	4
Глава II. Холст ручной работы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Иван Плетнев

Вне системы

Глава I. Лаборатория стерильного покоя

Это моя первая книга, которую я написала. Перед вами не художественный вымысел, а документально точный отчет о моей жизни.

Я росла в мире, который со стороны казался стерильно идеальным, но изнутри был прошит белыми нитками человеческого притворства. Мой дом был классической декорацией благополучия: любящие родители, уютная обстановка, абсолютное внешнее понимание. И невыносимая, удушающая скука. Очень рано, еще в глубоком детстве, я поняла, что эта пресная, предсказуемая жизнь не для меня. Пока другие дети учились сопереживать, плакать над разбитыми коленками или верить в сказки о справедливости, я просто наблюдала. Мой мозг работал как холодный объектив видеокамеры.

Я поняла одну простую истину: в этом мире изначально нет ни добра, ни зла. Существует только чистое, голое действие, зафиксированное в пространстве. А вот оценку ему —

этот ярлык «хорошо» или «плохо» — каждый человек вешает сам, исходя из своей глупости, страхов или выгоды. Мои собственные нормы морали сформировались иначе. Они были искажены с точки зрения обывателя, но для меня они оставались безупречно логичными. Я отказалась брать напрокат чужую мораль и выстроила собственную автономную систему оценивания, где единственным судьей и законодателем была я сама. В моей системе координат убить уличного бандита, который ради забавы замучил до смерти бездомную кошку, — это было безусловное, кристально чистое добро. А вот зарезать беззащитную бабушку ради куска хлеба или кошелька — это было абсолютное, тупое зло, лишённое всякой эстетики и смысла. Я презирала бессмысленную жестокость, но боготворила целесообразность.

Моя личная лаборатория начала формироваться дома, под влиянием двух самых близких и одновременно самых контрастных объектов для наблюдения — моих родителей.

Мама была женщиной удивительной, по-своему сильной и глубоко своенравной. Она работала продавцом одежды в крупном магазине и обладала редким даром: могла за пару минут найти общий язык с абсолютно любым человеком, виртуозно считывая его вкусы и слабости. Она была в меру верующей, искренне любила и поддерживала государство, чтя законы и порядок. Мама никогда не была покорной жертвой — она умела и любила давать жесткий отпор, если кто-то пытался навязать ей свою волю. Мои первые проявления

властности и манипуляций она замечала и открыто порицала, считая их греховными или эгоистичными. Но я быстро нащупала её уязвимость. Стоило мне обосновать свои жесткие действия какой-то высшей, справедливой целью, как её строгость таяла. Если у моего поступка была основополагающая, понятная ей цель защиты или справедливости, мама подсознательно одобряла его, оправдывая мою холодность «сильным характером».

Отец был полной её противоположностью, абсолютной душой любой компании. Мастеровой, про таких говорят «золотые руки» — он знал всё, умел всё, чинил любую технику в мгновение ока. В техническом и инженерном плане он был невероятно умен, к нему постоянно тянулись люди со всего района, и отец никогда не отказывал: всегда поможет, всегда подскажет, всегда найдет изящное техническое решение.

Но за этим идеальным фасадом успешного мастера и общительной продавщицы скрывался настоящий ад моего детства. Наша жизнь протекала в тесной, душной однокомнатной квартире — одной из тех бетонных коробок, которые пачками выдавали трудящимся еще при Советском Союзе. Тридцать квадратных метров общей площади. В таких условиях у человека нет права на личные границы. Всё на виду, всё на слуху. Наш единственный зал служил одновременно и родительской спальней, и моей детской, которую отгораживал лишь громоздкий полированный платяной шкаф. Эта фанерная перегородка была иллюзией уединения. Их отно-

шения в те годы были сотканы из перманентного хаоса. Они буквально уничтожали друг друга морально, превращая крошечный пяточок советского быта в поле боя.

Но хуже всего было то, что этот хаос периодически выплёскивался за пределы их личной войны. Когда родительская ярость достигала пика, а мамины аргументы иссякали, тяжелая отцовская рука искала виноватого. И этой мишенью становилась я.

Помню, как в возрасте восьми лет я сделала какую-то страшную глупость — то ли разбила отцовскую деталь, то ли просто подвернулась под руку, когда на кухне звенела разбитая посуда. Отец, ослепленный неконтролируемым гневом, сорвал со стены тонкий, черный провод от старого зарядного устройства Nokia. Этот длинный шнур с тяжелым пластиковым блоком на конце в его массивных пальцах превратился в хлыст. Тонкий пластик свистел в воздухе, оставляя на моих ногах и спине жгучие, багровые полосы, которые горели адским огнем.

В паническом, первобытном ужасе я бросилась бежать по узкому коридору. Из тридцати квадратных метров советской однушки бежать было некуда. Единственным спасением была совмещенная ванная комната. Я влетела туда, захлопнула хлипкую деревянную дверь и заблокировала защелку. С той стороны в дверь тут же прилетел тяжелый удар отцовского кулака. Дверное полотно затрещало. Помню, как я сидела на ледяном кафельном полу, упершись спиной и изо всех сил

упираясь ногами в противоположную стену, сжимая пальцы до белых суставов. Я держала эту дверь со всей силы своего маленького детского тела, пока за ней бушевал ураган чужого безумия. Иногда ванная была занята, и я успевала выскочить на крошечный балкон, зажимая пальцами стеклянную дверь, молясь, чтобы старый шпингалет выдержал натиск. Изнутри меня выворачивало от тошноты, слезы душили, а сердце готово было пробить грудную клетку.

Но именно там, на полу в запертой ванной, под грохот ударов с той стороны, в моем сознании произошел тектонический сдвиг. Моя психика, защищаясь от невыносимой боли и страха, совершила удивительный кульбит: она полностью, навсегда ампутировала эмоции.

Я перестала плакать. Я заставила свое сердце биться ровно. Вслушиваясь в тяжелое дыхание отца за дверью, я начала препарировать его ярость. Я сидела в этой тесной коробке и смотрела на ситуацию глазами холодного исследователя. Я поняла: отец — этот гениальный мастер, которого все уважают на районе — прямо сейчас ведет себя как бешеное, слабое животное. Им управляет не разум, им управляет минутный гормональный всплеск. Он жалок в своем гневе.

Тогда, прижимаясь спиной к дрожащей двери, я сделала свой самый главный, монументальный вывод, определивший мою жизнь: тот, кто поддается эмоциям — слаб, управляем и ничтожен. Тот, кто теряет контроль над собой, автоматически становится рабом. А тот, кто умудряется сохранить ле-

дяной, стерильный покой, пока весь мир вокруг рушится — обретает истинную силу. Я посмотрела на свои дрожащие ладони и поклялась, что больше никогда в жизни никто не заставит меня бежать и прятаться. Я выстрою такую ментальную броню, которую не пробить ни одним проводом в мире.

Позже, когда в старших классах мне в руки попал Ницше, его строки легли на уже готовую, выжженную почву. Его концепция Сверхчеловека, стоящего выше плебейской морали и чужих слабостей, была для меня математической формулой. Я поняла: если ты способен удержать ледяной контроль там, где другие захлебываются в собственных чувствах, ты обретаешь над ними безграничную власть. Ты становишься Сверхчеловеком просто по праву своего хладнокровия.

С годами их война утихла. Время шло, отцовские бури начали стихать, трансформируясь во что-то более зрелое, гармоничное и спокойное. К моменту моей юности они наконец-то научились слышать друг друга, их брак в нашей однушке стал крепким и монолитным. Отец стал мягче, часто помогал мне, мама гордилась моими успехами. Но для меня этот поздний мир уже ничего не значил. Я не верила в их «исправление». Я видела изнанку. Слишком часто я возвращалась к анализу их прошлых шрамов, в деталях вспоминая, как легко ломается человеческая психика под давлением страха и бытовой тесноты. И чем чаще я погружалась в это, тем глубже меня затягивало — словно я шла по зыбучему болоту, осознанно смакуя каждый свой шаг.

В какой-то момент этой трясине потребовалось осязаемое, живое воплощение. Моему просыпающемуся синдрому бога была необходима первая крупная мишень вне родительского дома — холст, на котором я смогла бы отточить искусство доминирования и подчинения. И этот холст нашелся сам

Глава II. Холст ручной работы

Мой студенческий мир в университете был таким же пресным, как и всё остальное. Вокруг меня копошились люди, ведомые гормонами, страхом перед сессией и глупыми надеждами на светлое будущее. Я посещала пары, вовремя сдавала зачеты, но оставалась невидимкой — идеальный камуфляж для того, кто привык наблюдать, а не соучаствовать.

В середине третьего семестра нас в добровольно-принудительном порядке согнали в потоковую аудиторию на какое-то открытое мероприятие. Красочная афиша на двери гласила: «Психология как путь решения». В другое время я бы прошла мимо, но в тот день внутри меня шевельнулось робкое любопытство. Мои детские раны, запертые в ванной советской однокомнатной квартиры, всё еще требовали ответов. Мой внутренний бог искал терминологию. Мне искренне хотелось узнать, изобрело ли человечество хоть один реальный способ контролировать тот первобытный хаос, который я видела в глазах своего отца. Я надеялась услышать нечто монументальное.

Спикером оказался приглашенный молодой специалист по имени Андрей. Ему было около двадцати четырех лет. Он не был богат или знаменит, на нем был обычный, аккуратно отглаженный пиджак, но то, как он держался, выдавало в нем человека, глубоко пьяного от собственной значимости. Это

особое, специфическое ощущение власти, которое молодой, едва оперившийся лектор испытывает перед девятнадцатилетними второкурсницами. Для него мы были незрелой, податливой массой, которая еще нигде не работала, толком не видела жизни и смотрела на мир сквозь розовые очки. Он вышагивал по сцене у доски с такой абсолютной, непоколебимой уверенностью, словно лично держал ключи от чужих душ. В его глазах горел снисходительный огонек пастыря, пришедшего к заблудшему стаду.

Он начал говорить. Минут пятнадцать я честно вслушивалась в каждое его слово, ловя интонации и пытаюсь нащупать глубину. Но с каждой минутой мое нетерпение сменялось глухим, удушающим разочарованием. А затем мне стало скучно. Невыносимо, смертельно скучно.

Вместо откровений Андрей транслировал банальные, затертые до дыр книжные истины из учебников по популярной психологии. Он чертил на доске схемы «стимул-реакция», рассказывал про «границы личности», «принятие травмы» и «проговаривание обид». Это был суррогат. Дешевая ментальная жвачка для слабаков, призванная замаскировать их ничтожество. Мои родители орали друг на друга на шестиметровой кухне не потому, что не умели «проговаривать обиды», а потому, что были рабами своей животной природы. Никакие схемы Андрея не удержали бы дверь в мою ванную, когда в нее летел отцовский кулак. Поняв, что этот «эксперт» — обычный напыщенный индюк, я потеряла к

нему всякий интерес.

Я откинулась на спинку деревянного кресла, достала телефон и погрузилась в свои мысли, полностью выключив Андрея из зоны своего внимания. Мое лицо, должно быть, выражало ту самую ледяную, стерильную пустоту, которую я тренировала с восьми лет.

Андрей, привыкший к обожающим и внимательным взглядам аудитории, не мог не заметить этот ментальный плевок. Мое равнодушие сработало как триггер для его уязвленного эго. Он замолчал посреди фразы о «невербальных сигналах», проследил за моим взглядом и снисходительно улыбнулся. Ему захотелось проучить высокомерную студентку, а заодно устроить эффектное шоу для остального зала — поработать с трудной мишенью прямо на публике.

— Вот девушка на третьем ряду, в черном свитере, — его голос, усиленный микрофоном, эхом разнесся по аудитории. Все головы синхронно повернулись ко мне. — Да-да, вы. Вы так увлечены своим телефоном, будто уже решили все проблемы в своей жизни. Поделитесь с нами, что вас так утомляет в моих словах? Или, может быть, мы разберем вашу скрытую защитную реакцию прямо здесь?

Он сделал пару шагов к краю сцены, скрестив руки на груди. На его лице играла торжествующая улыбка дрессировщика, который загнал котенка в угол. Он ждал, что я смущусь, покраснею, начну оправдываться или нагрублю — любой из этих вариантов укладывался в его психологические шабло-

ны и давал ему повод растоптать меня своей экспертностью перед притихшими студентами.

Я медленно заблокировала экран телефона, положила его на парту и подняла на него глаза. Внутри меня не было ни капли страха. Наоборот, я ощутила тонкий, вибрирующий восторг. Мой синдром бога, дремавший в стенах университета, сыто заурчал. Перед напыщенным двадцатичетырехлетним Андреем сидела не глупая второкурсница. Перед ним сидел ледяной хищник, который только что увидел свою идеальную, безупречную жертву. Холст для моей первой картины сам сделал шаг навстречу.

— Мне просто скучно, Андрей, — спокойно, без единой эмоции в голосе произнесла я, намеренно опустив его отчетство. — Всё, что вы говорите, для меня не имеет абсолютно никакого значения. Возможно, некоторым в этом зале ваши слова действительно кажутся интересными, но не мне. Для меня рекламная брошюра в магазине одежды более содержательна и интересна, чем вы и ваше выступление. А пришла я сюда лишь потому, что надеялась услышать что-то действительно новое от молодых лекторов. От тех, кто не мыслит шаблонами из советских учебников, а пытается заглянуть за ширму и найти настоящий корень проблемы. Увы, я этого здесь не нашла.

По аудитории пронесся едва слышный, шокированный выдох. Несколько человек обернулись на меня с открытыми ртами. Сравнить лекцию дипломированного специалиста

с бесплатным магазинным буклетом — это был открытый, циничный нокаут.

Я увидела, как улыбка Андрея мгновенно окаменела, превратившись в уродливую гримасу. На долю секунды его зрачки сузились, а шея под воротником выглаженной рубашки покрылась едва заметными пунцовыми пятнами. Мой ледяной скальпель вошел точно между ребер его раздутого эго. Его броня, выстраиваемая годами псевдо-практики, разлетелась вдребезги на глазах у целого потока. Он привык властвовать над умами девятнадцатилетних девочек, а наткнулся на зеркало, которое отразило его собственную банальность.

Андрей судорожно сжал в руке маркер, которым только что чертил на доске свои глупые схемы. Ему потребовалось три долгих секунды, чтобы вернуть контроль над голосом. Он попытался спасти лицо, выдавив из себя снисходительный смешок, но пальцы, поправляющие пиджак, выдавали его с потрохами — они слегка подрагивали.

— Что ж... — Андрей качнулся с пятки на носок, пытаюсь вернуть позу уверенного ментора. — Максимализм — это прекрасная черта для второго курса. Отрицание авторитетов, обесценивание... Классическая защитная реакция при глубоких внутренних дефицитах. Но раз уж вы ищете «корень проблемы» и не боитесь выходить за рамки шаблонов, то, возможно, вам не составит труда доказать свои слова? Мероприятие окончено, но я приглашаю вас продолжить эту дискуссию в более подходящей обстановке. Скажем, завтра

после пар в кофейне через дорогу от главного корпуса. Посмотрим, насколько ваша смелость подкреплена чем-то, кроме желанья выделиться перед сокурсниками.

Он бросил на меня взгляд, в котором смешались злость, уязвленная гордость и внезапно вспыхнувший профессиональный азарт. Он был свято уверен, что нашел «сложную пациентку», которую он эффектно расколует на личной встрече и вернет себе статус хозяина положения. Он не понимал, что сам, своими руками, выписал себе смертный приговор.

Я едва заметно улыбнулась — так, чтобы видел только он. — Хорошо, Андрей. Давайте попробуем.

Я собрала вещи в сумку и первой вышла из душевой аудитории. Ловушка з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.